

Вера Гончарук. «Пора знакомиться». 9-1996-99

Глава 68. События, потери, перемены...

В июне 96-го ко мне пришла дочь Зои, Леночка. К тому времени умерла уже Мария Васильевна, Зоя готовилась к переезду в Северное Бутово, где они приобрели квартиру на деньги, полученные от акций Газпрома, и Леночка стала владелицей этой квартиры. Она попросила меня приютить парнишку молдаванина, который работал в открывшемся у нас торговом центре Глобал-Сити и снимал жильё на другом конце Москвы. А ездить на работу к пяти утра и получалось, что иногда и ночевал на задворках.

Мы посоветовались с детьми. От папы никаких доходов, одни расходы, денег на жизнь не хватает, потеснимся. Решили это совместно, так как у них ухудшались условия жилья. Но решили, значит нужно делать. И мы взялись за перестановку. Из двух кроватей соорудили двухэтажную, плотницким делом я уже научилась заниматься, так что сладила. Места в комнате займёт меньше и им двоим будет не тесно. А маленькую комнату сдадим жильцу.

У самой Лены живут две женщины с Западной Украины, тоже работающие там, поэтому мальчика она просватала мне. На следующий день он пришёл, высокий симпатичный, мускулистый парнишка 18 лет. Ещё один сын? Почти так и получится. Он сказал, что будет платить за жильё 1500, я согласилась, как-никак хорошее подспорье. Расположился, начал жить. Неделю я наблюдала, как он питается. Только кипяток погрееет и хлеб ни с чем, почти сухомытка. А работа тяжёлая, убирает территорию и грузчиком работает. Худеет и выматывается на глазах. Могу я видеть подобное безобразие? Не могу, не умею жить с людьми как с чужими, оставлять их в беде. И в приказном порядке велела питаться вместе с нами.

В общем, все его деньги на питание и шли, да 400 рублей в паспортном столе заплатили за временную прописку, потом его включают в счёт за квартплату, государство считать денежки умеет. Так что практически ничего я не нажила, да и не умею наживаться на других. А потом посылки ему от мамы пошли с продуктами, получилось подспорье всей семье, она овощных консервов накрутит, с проводниками передаст и всё отлично. Так у нас появился Лёша, с которым особенно подружится Иван. Станет с ним заниматься бодибилдингом и вскоре мой хлипкий Иван, начал обретать мускулатуру и уверенность в себе. Володя этим не увлекался и как окажется после неспроста. Мы ещё не знали, что у него проляпс митрального клапана, а он уже ощущал усталость и слабость временами, оттого и отказался.

В этом году он ушёл из школы и поступил в ПТУ обучаться на слесаря механосборочных работ. Всё как Женя делал, брату подражал и не только. Не было у него перспективы в школе никакой. Он в эксперимент попал, которые тогда проводились много чаще в школах начали. Какие-то умные головы решили, что незачем обучать всех одинаково, время тратить. Есть способности, будут заниматься усиленно, нет, спустя рукава, недостоин. И разделили классы на сильных и слабых учеников. Вот слабым и преподавали кое-как и обзывали их дебилами, а по сути, делали из них таковых. А дети, видя такое отношение к себе, отвечали тем же, бросали заниматься уроками и безобразничали, изводя учителей. В общем-то, сами добились того, чтобы дети так реагировали.

На таком фоне росло озлобление против школы и многие решили уйти. Потом этот эксперимент отменяют, то ли опомнятся, то ли новое выдумают, но отменяют. А дети этого эксперимента потерянными окажутся и будут трудно пробиваться по жизни, а заодно и мстить за проявленное к ним отношение. Откуда и бандиты троечники, но весьма успешные в отстаивании своих желаний пойдут!

Силой ломить будут, хитростью и злостью, а не разумом. В августе, 19-го числа, на яблочный спас, умерла мама, и нам пришлось ехать на похороны. Впервые с 81-го года я переступлю порог Надеждиной квартиры. Здесь и раньше-то всё было, как в музее. В обуви не ходить, экспонаты руками не трогать и всё в таком же духе, а теперь евроремонт и сплошные понты. Мы новые русские. Правда, нас уже два раза обокрали, но мы оправались. Ещё бы, Надежда в банке, зав отдела по кредитам, Серёжа там же в охране. Так что жить можно. Павлик институт закончил, говорят, в аспирантуру поступил. Ну и ладненько, удачи ему.

Мне, как всегда поручили в церковь идти, заупокойную заказать. Пошла, а дети остались тётке помогать. Вместе со мной пошла тётка Аня, соседка и подруга мамы. Она меня покойников бояться перестать научила, заставила за ноги дедушкины подержаться и страх, как рукой сняло. Настолько, что по смерти Марии Васильевны, я Зое помогала обмывать и обрывать её.

Вот сейчас мы с тётёй Аней и пошли в церковь не спеша, а она мне по дороге рассказала, как оно всё здесь обстояло. Много нового для меня открыла.

- Мать-то твоя чудная стала последнее время, перед тем как совсем свалилась. Заговаривалась, деньги теряла, в магазинах её обсчитывали легко, видели, что не в себе человек, за один батон, как за десять брали. Пользовались, значит, оттого она голодала часто. Мы уж её подкармливали, предлагали ей самим ходить в магазин, отказывалась она.

А Надя с Серёжей, то ходили, навещали, а то, как отрезало, перестали приходить, она и посылала к ним, звала и плакала, не идут. А в мае случился с ней уже сильный инсульт, она в палисаднике ковырялась, сирень, ландыши обрабатывала, сорняки рвала, да и упала. Перекосило её всю, и речь невнятная стала. Мычит, а понять нельзя. Побежали к Надежде, тут уж они примчались, да забрали мать к себе. Впечатление такое, что ждали они этого момента, когда мать совсем беспомощной станет.

- Да, нет, тётя Ань, быть того не может.

- Нет, Вер, может. Ты меня слушай, я в людях понимаю. Я ж её и здесь у Надежды навещала.

Ничего сказать не могу, ходили они за матерью неплохо, и лекарства по назначению врача давали. Правда, в больницу класть не дали, сказали сами выходят. Выходили ровно настолько, чтобы она кое-как говорить начала и понимать что-то. Вот приду к ней, пока они на работе, я с ней сижу, как сиделка. А она мне говорит, Надежда Верке не велела сообщать, а то она приедет и в психушку меня сдаст. Это они ей так внушали. А ещё заставили её переписать завещание на дом, вернее дарственную, на Павлика. Нам, мол, ничего не нужно, это только для сохранности, а то Верка в Москве, некогда ей ездить, а Сашка здесь дом либо сожжёт, либо пропьёт.

Вот я им возьми и скажи, зачем же вы Веру лишили возможности знать о состоянии матери и дом себе загребли. Надежда волком на меня посмотрела и процедила, что больше в моих услугах не нуждается. А я ведь адреса твоего не знаю, сообщить не могу. Вот с тех пор они мать одну на день, без присмотра оставляли, торопились видно, чтобы и до Сашиного приезда она не дожила. Так-то вот. Вам с Сашкой теперь бороться за дом нужно.

Рассказала она это, а мне не по себе, сестрицыну натуру знаю, а поверить в такое боюсь.

- Нет - говорю, - тётя Ань, как вышло, так вышло, нужно Саше - пусть борется, а я не буду.

Не могу поверить, что сестра ради алчности на такое пойти могла. Так ничего Надежде и не сказала, когда вернулась. Тут и другие родные приехали, дядя Юра, дядя Геня, отчимова сестра Женя с новым мужем. Я её много лет не видела, а сейчас увидев рядом с Надеждой, поняла, насколько они похожи.

Похоронили маму, вернулись с кладбища поминать. Я подолгу с некоторых пор в обществе, где много говорят, и шумно становится, находиться не могу. Голова словно отключается, внимание рассеивается, а потом боль наваливается пульсирующая, словно мне изнутри по глазам пальцами тычут, выпихивают их. В общем, быстро из-за стола ретировалась, легла в маленькой комнатке отдохнуть. А там уже беседы всякие разные пошли. Сестра, когда в подпитие, говорить особенно громко начинает, всех перебивая. Слышу, она всем рассказывает про то, как я площадку для детей отвоёвывала, про то как на болотах им лагерь устраивала и зарядкой заниматься заставляла. Я даже обомлела. Вошла в комнату, спрашиваю, ты это точно помнишь? Она говорит, а чего ж мне не помнить, чай не дурочка. А ты-то чего спрашиваешь?

- Да - отвечаю, - удивлена. Ты же всегда всем, в том числе и детям моим, про меня гадости рассказываешь, а тут вдруг такой подарок, хорошее рассказала. Вот я и недоумеваю, с чего бы это?

- Да, ну тебя, не начинай - отмахнулась она от меня.

Я всем говорю, вы меня извините, плохо себя чувствую, так что я домой поеду, пора. Мальчики мои младшие, говорят мы с тобой. Женя с Наташей остались и отец с ними. Как же от водки дармовой уехать, а мы поехали домой. Правда у дверей, провожая, она сказала с ехидцей:

- Да, насчёт дома, он на Павлика подписан, так что не суетись.

Я посмотрела на неё и ответила, я в курсе и, по-моему, ни о чём не спрашиваю и наследства не требую.

С тем и ушли, горько и пусто на душе от того, что правду, значит, тётя Аня рассказала. Вот тебе и дети одной матери. Это был последний раз, когда мы с сестрой виделись. Отрезало, нет у меня больше сестры, для меня она умерла.

Начался новый учебный год, Ванечка в школе, Володя в училище, через всю Москву ездит, на Машиностроительный завод в их училище.

Я работаю. Как раз у Серафимы Федоровны несчастье случилось. Муж с сыном попали в автокатастрофу и скончались в больнице. Не успела похоронить их, дочь с внуком разбились на самолёте, в авиакатастрофе. Казалось бы, такая беда нормального человека свалит напрочь. А она через неделю на работу вышла и всюду её гырканье слышится, брешется со всеми почём зря. Злость в ней, вместо горя кипит, никому житья не даёт. Не выдержала я, когда она снова ко мне привязалась, говорю, вон вас как жизнь наказала, чтобы показать вам, что неправильно живёте, неправильно к людям относитесь, а вам ничто не в науку. Горбатого могила исправит. До неё и это не дошло.

А вскоре в поликлинике пожар случился, проводили ремонтные работы на первом этаже, напротив регистратуры, варили столбы под новый кабинет и искра через отверстие, где вниз труба отопления уходит, попала в подвал, в красный уголок. Там то ли ветошь, то ли что лежало, затлело, а от неё ряды кресел загорелись. Когда хватились весь подвал и первый этаж задымлены были и вверх по лестничным пролётам дым пополз. Пришлось срочно эвакуировать больных, врачей, пожарную сразу вызвали.

Далее этого помещения огонь не пошёл, погасили, но задымление и копоть на всё легли плотно и долго расползались. Пришлось поликлинику для приёма закрыть до завтра. И тут как назло ночной сторож позвонил, что в больницу попал, поэтому не выйдет. А как оставлять поликлинику одну с выбитыми окнами и возможность нового возгорания, вдруг тлеет. Поликлиника обесточена, света нет, гарью воняет, и дым медленно выползает.

Станиславу Максимовичу оставаться? Мне его жаль стало, я говорю, давайте я ночь подежурю, сбегаю домой, детей накормлю, сама поем и прибегу назад. А тебе не страшно, спрашивают. Я говорю, с детства не боюсь пустых помещений, нечего в них бояться.

Так и согласились. Отдежурила я ночь, фонарь мне мощный оставили, чтобы я обход делать могла. Я раза три за ночь в подвал спускалась, фонарь гасила, чтобы в темноте разглядеть - не тлеет ли где. Нет, обошлось, спокойно всё. Потом ещё до конца года пришлось дважды курьера приболевшего заменять, кровь в лаборатории развозить, в управу за документами ездить. В общем, помогала, как могла и всё это мне оплатили. Так что не зря старалась. Так и год к концу подошёл и 1997 постучался, переломный для меня...

Да, ещё чуть не забыла, в ноябре за Сашкой съездила в Ульяновск, привезла его пока к себе. Прописать его у себя не смогу, после четырёх-то ходок по тюрьмам, но временно поживёт, пока ему жильё в Серпухове не предоставит. И лишнее доказательство получу, что сестра против меня козни ради дома строила, не только с матерью, но и с братом. Писала ему в письмах гадости обо мне, внушала, чтобы он со мной не якшался, оттого он и писать мне одно время перестал, мол, не родная я им, а сводная, поэтому они друг дружки держаться должны. Нас ссорила, чтобы никто ничего не знал, о состоянии дел с матерью и с домом. Такая вот хитрость.

Глава 69. Укатали Сивку крутые горки.

В процессе работы в поликлинике у меня сложились определённые и весьма доверительные отношения с врачами и пациентами.

С врачами мне часто приходится дежурить по субботам и тогда когда почти нет пациентов, на приём идут только приглашённые врачом, остальные думают, что день выходной, образуется много свободного времени, когда можно просто попить кофейку и спокойно доверительно поговорить просто о жизни. Что практически и происходит. И очень многие раскрываются с личной стороны, но это так и остаётся между нами и обсуждению в коллективе не подлежит. Отсюда и доверительное отношение ко мне. Я становлюсь невольным носителем личных секретов других, а это значит идёт накопление случаев из жизни людей и жизненного опыта.

Помимо этого в обычные дни, забирая вызовы на дом, врачи часто между собой обсуждают врачебные случаи, признаки заболеваний, симптоматику. Молодые спрашивают совета у более опытных, а я невольно слышу эти разговоры и они тоже откладываются в памяти. Найдут они и своё практическое применение. Так я научусь, принимая вызов отличать экстренные случаи от обычного заболевания и настаивать на вызове скорой, а если скорая не возьмёт пациента, то обещаю, что врач будет обязательно. Таким образом, мне удалось даже спасти жизни нескольким людям, если бы они ждали прихода врача, упустили бы время. Так что прислушиваться и делать выводы тоже не вредно. А врачи начинают сожалеть, что я пошла не по своему пути, что у меня дар, чутьё на болезнь, вот мол, где было бы хорошее применение. Я смеюсь, это не дар, это способность к обучению и внимательность, не более того.

А с больными такая же история, и у меня появляется даже опекаемая пациентка. Есть у нас на участке старая женщина Веймер Рахиль Давидовна. В силу заболевания у неё развились фобии. Она вызывает врача по три раза в неделю и... не пускает в квартиру. Не принимать вызов нельзя, попасть к ней невозможно, таким образом, никак не разрешить недоразумение, а её сын, изредка навещающий мать, каждый раз пишет жалобы в райздрав и врача наказывают ни за что. Никакие объяснения в расчёт не принимаются, замкнутый круг.

По-хорошему тут необходима помощь психиатра, но сын доводам не внимлет. Я в патовой ситуации, не принять вызов - вызвать огонь на себя, принять - на врача. Дом, где она живёт рядом с моим, и я решаюсь на самостоятельный шаг - навестить её и поговорить.

И вот однажды после работы я пришла к ней и позвонила в дверной звонок.

- Кто там? - послышался из-за двери резкий каркающий голос.

- Извините, вас беспокоят из поликлиники.

Дверь приоткрылась на маленькую щёлочку, цепочка держала.

- Что вы хотели? - Рахиль Давидовна, я хотела с вами договориться, ведь вам нужна помощь, нужны лекарства, а вы не принимаете врача, когда он приходит. Может, вы дадите мне записочку, и я принесу вам лекарства, выпишу их у врача.

Цепочка снялась с двери и передо мной предстала маленькая, худенькая, похожая на встрёпанную птичку, женщина с копной седых спутанных волос. Несмотря на свою величину, голос создание имело мощный.

- Проходите, я вас узнала по голосу, вы принимаете от меня вызовы.

Итак, я получила неожиданное приглашение войти. Квартиры в этих башнях весьма своеобразные. Двух и трёхкомнатные, малогабаритные, тогда как однокомнатные большие и просторные. Словно в насмешку строили. Комната 24 метра и десятиметровая кухня и холл приличный, не чета коридорчику в квартире моих детей. А дома у них однотипные.

Я была приглашена в комнату, где мы разговорились, при этом присутствовал и чай и воспоминания и даже совершенно неожиданно игра на фортепиано. Играла Рахиль Давидовна мощно и прекрасно. Ранее, как она рассказала, она выступала и гастролировала, а теперь одинока и забыта всеми. Я провела у неё не менее двух часов. Не знаю почему она прониклась ко мне доверием, но мы договорились, что я приду вместе с врачом и я попросила сходить к ней доктора Павлову. У неё был смежный участок, поэтому зайти ненадолго рядом было бы несложно. Павлова знала ситуацию и согласилась. Неожиданно оказалось, что предложение удачное и Рахиль Давидовна приняла Павлову очень хорошо. Она получила и советы, и необходимое лечение, лекарства я ей выкупила и принесла, как обещала. В общем, теперь Павлова взяла её под своё крыло, я просто навещала, чтобы она не страдала от одиночества и жалобы прекратились, поликлиника вздохнула спокойно.

Уже уйдя из поликлиники, гуляя с собакой, я непременно здоровалась с Рахилью Давидовной, ожидавшей на балконе, и изредка навещала её. В 1998 году она умерла. В то же самое время и вторая, опекаемая из Жениного дома, появилась у меня. Идя от Жени, я увидела Женщину пожилую, с трудом пытавшуюся подняться на ступени. Я помогла ей, она попросила проводить до квартиры и я проводила. Потом мы познакомимся. Потом мне придётся и шить ей, и сопровождать её в больницу и навещать там, и забирать из больницы. У неё сын, немного моложе меня, холостяк Боря, не вполне здоровый человек, хроник. А она уже в пожилом возрасте ухаживает за ним. И вот ей пришла в голову идея, разлучить меня с мужем и заполучить себе в снохи.

Никакие отговорки и разъяснения не действовали, она напирала, как танк. Я от такой ситуации, честно говоря, устала и пошла на обман. Как раз после того, как я сама перестала работать, я прекратила отвечать на её звонки. Она стала приставать к Жене, приходиться к нему домой, просить, чтобы мама пришла к ней. Он спросил у меня, в чём дело, я объяснила и сказала ему:

- Скажи ей, что я уехала из Москвы, поменялась с сестрой жильём.

Сестра теперь живёт здесь, а я в Серпухове. Не могла же я жить в постоянном страхе перед её звонками.

В итоге мой обман удался, я, просто идя куда-то, внимательно оглядывалась, нет ли её на горизонте. И так бывает, что приходится прятаться от назойливых людей, если они начинают предъявлять на тебя собственнические права, а ты этого не желаешь. Между тем дела мои стали идти не очень хорошо именно в 97 году. Неожиданно случилось заболевание по-женски, и я попала с сильным кровотечением на чистку в больницу. Прямо с работы увезли на скорой. Оказался эндометриоз, ненормированное разрастание слизистой матки, обычно встречающееся у малорожавших и неожиданно обьавившееся у меня. К тому же начинался климакс. И это тоже стало проявляться сильными головокружениями, провалами в памяти, чего раньше не наблюдалось, повышенной активностью или напротив полным упадком сил. Мои 48 лет давали о себе знать, шёл 49-ый. Всё чаще стали проявляться приливы, когда меня окатывало жаром и мне становилось трудно дышать. Гинеколог тут же посадил на американские гормоны, и состояние стало полегче.

Но проявились и другие вещи, не связанные с климаксом, а именно я стала переставлять местами на письме цифры или буквы. Буквы не так существенно, можно понять улицу, а вот с цифрами сложнее. Номер телефона или адрес дом корпус квартира, подъезд или этаж неверно указанные приводят к тому, что врач на некоторые вызовы не может попасть сразу, приходится перезванивать, уточнять и я обнаруживаю свои ошибки. Причём объяснить, как это вышло, я не могу. Назвать это невниманием нельзя, это что-то другое, тем более при проверке, я словно слышу голоса, диктовавшие мне адрес, и вижу, где и в чём я ошиблась. Теперь при приёме вызовов мне приходится дважды перепроверять, а это снижает скорость работы.

И однажды приводит к скандалу. Врач Воробьёва, не попав на вызов, не изволила отзвониться уточнить, а просто проигнорировала этот вызов. Больной прождал напрасно и потом вечером ездил дежурный врач, снятый с приёма, а жалобу всё равно написали. Но изначально-то вина моя. Судить Воробьёву тоже нельзя, у неё такой же период климакса, а значит период раздражительности и непредсказуемости поступков. Так что вина целиком моя. Нужно что-то делать, это тревожит и напрягает меня.

Хирургом по вызову у нас работает врач районной ВТЭК, он приходит два раза в неделю и навещает на дому ветеранов войны и труда. А вызовы для него принимаю я. Мы обсуждаем ситуацию и он говорит, присутствующей здесь заведующей первой терапией, дай-ка Надежда ей направление на рентген. Похоже это проблемы с позвоночником. У неё кровь не проходит нормально в мозг, кислородное голодание. И мне дают направление на рентген. Почему он сделал такое заключение? Я стала странно передвигаться, меня, словно, штормит, сильно заносит в сторону, когда я поднимаюсь и начинаю двигаться. Рентген показал сразу три проблемы в позвоночнике, две грыжи Шморля, сросшиеся шесть верхних позвонков и провал позвоночного столба в области поясницы. Мне тут же дали направление на обследование в больницу.

Михал Михалыч, этот хирург, тут же позвонил в нашу 55-ю больницу и сказал заведующей неврологией, что придёт такая-то, это его знакомая, пожалуйста, повнимательнее, проследит лично. Обследуйте основательно.

Так в апреле я оказалась в больнице. Саша в это время работал в Малино-фуд. Женя всё-таки рискнул поверить ему ещё раз и взял на своё предприятие грузчиком и лоточником. Возле базы они продавали скоропортящийся фруктовый товар, чтобы не нести убытки.

Дома оставались одни мальчишки, но они уже не были крохотными и умели обслужить себя сами, а Володя при необходимости и приготовить мог. Но я всё равно выходные посвятила тому, чтобы наготовить им на неделю полуфабрикатами еды, чтобы только зажарить или разогреть.

А в понедельник приехала в больницу. Меня приняли и разместили в палату на 10 человек, на кровать, как сказали соседки, где сегодня ночью умерла старушка. Ну, в больнице не

выбирают. Только я начала распаковываться, как в палату вбежала медсестра и с порога громко спросила: «Гончарук кто?». Я ответила, что я, она скоренько велела мне собираться и следовать за ней.

- Минутку, я только вещи уберу.

- Да, нет с вещами, со всеми вещами - раздражённо поторопила она.

Я растерялась, но сгребла всё и последовала за ней, а следом побежали две ретивые любопытные старухи. Сестра провела меня в самый конец коридора, открыла дверь, потом вторую и сказала:

- Извините, вас сначала неверно распределили, вам сюда и пропустила меня вперёд. Я оказалась в большой двухместной палате, где лежала одна девушка, а вторая койка предназначалась мне.

Из коридора послышались завистливые голоса: «ну конечно, блатную привели», а второй голос ответил: «я так и думала».

Кровати здесь были новые, с регулировкой высоты и поворачивающимися под разный наклон матрасами, не чета кроватям в общей палате. Таких двухместных палат было в отделении восемь, по две в каждом пролёте и в них действительно клали по знакомству или за отдельную плату. Я числилась по категории знакомств, Михал Михалыч распорядился.

Такое положение было для меня внове и абсолютно необычным. К вечеру Женя привёз мне маленький переносной телевизор, что оказалось весьма кстати. Моя соседка по палате была не ходячей, у неё не действовала нога, полинейропатия. Нога в ступне безвольно обвисала и не управлялась.

А лежать целыми днями в тишине и одиночестве было для неё тяжеловато, поэтому она была рада и соседству и телевизору.

И, конечно, несмотря на собственные болячки, я тут же возьму её под крылышко, наследкин материнский инстинкт силён...

Несмотря на то, что в холле больницы большой телевизор, наша палата скоро стала средоточием жизни. Зав отделением и медсёстры предпочитают забегать на телевизор к нам. В холле больные мешают репликами и капризами, объясняют они. А сестрички в свободное время просто прибегают поговорить. Я быстро разговариваю любую аудиторию и как всегда быстро умею подружиться.

Мне проводят обследования и лечение воротниковой зоны и поясничной. Многие процедуры мне запрещены. Так на поясничной зоне проводят иглоукалывание, а гимнастика и массаж противопоказаны. Грыжа у меня неоперабельная, она в долях миллиметра от важных сосудов и может пережать их, так как вдавлена внутрь, объясняет врач, а это приведёт к обездвиживанию.

Делают дополнительный рентген, снимок позвоночника через рот. Снимают Атлант, и выясняется, что он у меня разбит, потом сросся неверно и от него пошли отростки в ткани мозга, от этого головокружения и потеря ориентации. Потом мануальный терапевт вправит мне голову, это будет неприятно и непродолжительно больно, но потом приведёт к частичному улучшению самочувствия. Воротниковую зону мне обрабатывают на физиотерапии и делают лёгкий массаж, глубокий тоже противопоказан. Помимо этого лекарства и уколы. Но мне не проводят главных исследований, следовало свозить на РЭГ, а врач забыла это сделать и эхо-ЭКГ также не провели. Бывает рассеянность и у врачей. Поэтому выпишут потом с диагнозом распространённый

остеохондроз и ревматоидный артрит атланта. А также попутно обнаружат причины моих постоянных болей из-за которых я пачками ела соду, полагая что у меня проблемы с желудком, хотя приступы порой были почти до потери сознания. Оказалось панкреатит.

Но пока течёт больничная жизнь. Моей соседке делают массаж и обкалывают ногу блокадой прямо в палате и начинают появляться первые успехи. Наташенька сначала начинает сидеть, потом понемногу стоять возле кровати, потом мы с ней делаем первые робкие шаги по палате и даже дважды выходим на короткую прогулку в коридор. Я радуюсь этому, как первым шагам своего ребёнка, навестившая её мама, не могущая приходить часто, так как сидит с Наташиным маленьким ребёнком, тоже радуется до слёз. Теперь мне придётся отступить в прошлое, чтобы была понятна суть дальнейших бурных событий.

В конце 95 года у нас с одной из врачей, Алиной был серьёзный, откровенный разговор. Алине было 37 лет, у неё рос сын, которого она родила в 18 лет, так как они с мужем поженились, учась ещё в мединституте, и ребёнок родился рано, она боялась делать аборт, чтобы не остаться бездетной. Пришлось брать академический, чтобы сидеть с ребёнком, поэтому она закончила Вуз на год позже мужа. Муж работал кардиологом в больнице, а потом перешёл на скорую. Алина недоумевала, почему он резко поменял профиль работы, а после узнала, что он увлёкся молодой медсестрой, которая к тому же обучалась в вечернем на врача. Из-за неё, работавшей на скорой, он и перешёл туда же. Роман протекал бурно и Алина, узнав о нём, не знала, как ей быть. Именно на эту тему мы с ней и разговаривали. Она сильно переживала измену мужа и хотела даже ехать к разлучнице, бить ей морду, как выразилась Алина. Я сказала, что это ничего не даст, а наоборот ещё более утвердит её мужа во влечении к молодой. Я прикинула, что ей нужно просто на время расстаться с мужем, съездить куда-нибудь, отдохнуть и обдумать своё положение, чтобы принять решение, жить с мужем или расставаться. Сам он хотел, чтобы всё было, как идёт, то есть с одной ему комфортно живётся, с другой уютно спится. Он никак не мог определиться, а Алина была этим предательством измотана. Алина сказала, что её подруга прислала ей приглашение посетить Бельгию, где она теперь живёт и я ответила, что это лучшее, что она может сделать. Новые впечатления, новые ощущения, новая атмосфера, могут дать ей толчок к решению трудного вопроса, жить или не жить с Евгением. И Алина прислушалась к моей рекомендации, оформила отпуск и поехала в Бельгию.

Когда через месяц она вернулась, то первое, что сделала, придя в поликлинику, это ураганом налетела на меня, закружила и расцеловала, ты мой талисманчик. Я не могла понять в чём дело, остальные тем более. Алина всегда сдержанная, замкнутая и казавшаяся высокомерной и этот поступок всем казались несовместимыми. Частично я догадывалась, что, видимо, решение найдено, но остальных ставить в известность не собиралась.

После окончания приёма, она позовёт меня в подвал, где мы обычно курим, и расскажет всё.

Они с подругой и мужем, а также его другом, объездили всю Европу. Она получила массу впечатлений и не только. Она получила предложение от друга мужа, стать его женой. И согласилась. Теперь она будет оформлять развод с Женькой, решать квартирный вопрос и устраивать сына. Сын всё-таки взрослый, студент, доучится и если захочет, приедет к ней, а нет - жильё у него будет. Сразу скажу, ей удалось за полгода решить все вопросы и обустроить свою жизнь в Бельгии. Потом она приедет и расскажет, что первое время ей пришлось работать медсестрой и ходить на курсы, подтверждать свой диплом, вернуть свои знания, так как наши дипломы там не котируются. Ей это удалось и теперь она работает врачом в больнице. Так что, всё что ни делается, всё к лучшему.

Но возвращаюсь в настоящее. Раза два в неделю Наташу навещает, как я полагаю муж. Он врач скорой помощи, Наташа тоже работает на скорой врачом, а раньше работала там же

медсестрой. Она недавно заболела сильной простудой, вследствие чего и случилось осложнение на ноги. Но врачи обещали, что она поправится и вот и вправду у неё улучшения. Немолодого человека зовут Женя. Он активно молодится, всегда бодр, весел оживлён. В то время, как он приходит, я выхожу из палаты, чтобы дать им возможность пообщаться наедине. И как потом окажется - зря. На выходные, когда Наташа уже довольно сносно начнёт передвигаться и даже выходить на прогулку в больничный сад, он сотворит гадость. Попросту похитит её с прогулки, мол, ей неплохо побывать дома. И это без разрешения врача, в выходные врачей нет, один дежурный на три этажа. Здание шестиэтажное, значит, дежурят два врача, и за всеми не углядишь.

К ужину она не явилась, и я подняла тревогу - человек исчез. Ночь прошла тревожно, а наутро послали по её адресу машину. Они же отвечали за пациента, и нужно было решать, сообщать в милицию или она найдётся. Она нашлась, дверь в квартиру оказалась открытой, в комнате были следы гулянки, остатки еды и вина на столе и беспомощная Наталья, лежащая на полу, то ли в пьяном, то ли в бессознательном состоянии. Не знаю по какому наитию, врач прихватил с собой, в пакет бутылку со стола и сдал её в лабораторию больницы.

Её привезли в ужасном состоянии, она бредила, никак не могла очнуться, практически ни на какие раздражители не реагировала. Мне пришлось ухаживать за ней. Перегаром от неё не пахло, значит, это не могло быть просто перебором спиртного, в чём подозревали её медсёстры. Они обращались с ней несколько предвзято и пренебрежительно, а я сильно переживала. Потом она пришла в себя, но была так слаба, что могла только невнятно шептать, и мне пришлось наклоняться к ней, чтобы понять, чего она хочет. Она просила судно. Я подложила его под неё, но моча не шла, а она корчилась от болей. Я побежала к медсестре, просить поставить ей катетер. Я уже попросту плакала и медсестра согласилась. Когда поставили катетер, то из Натальи полилась не просто моча, а почти живая кровь и тут медсестра испугалась, а следом за ней пришёл врач. Он сказал, что ей дали большую дозу клофелина и просто удивительно, что она осталась жива. А увидев мочу, врач сказал, что ей ещё и почки загубили, убить мало того, кто это сделал. И тут я вспомнила, что в этот день здесь был Женя, и сказала, что забрать её отсюда мог муж.

- Это не муж - сказала медсестра, - это любовник. Он увозил вас? - спросил врач у плачущей Натальи и она кивнула.

Пазл в моей голове сошёлся, врачи скорой, молодая любовница, Женя, это же муж Алины.

Врач сообщил в милицию и вечером в нашей палате появились два сотрудника в штатском. Они сказали, что возьмут палату под контроль, так как преступник, узнав, что дело сорвалось, может понять, где жертва и прийти вновь. Один из них расположился в углу за дверью в кресле с журналом, а второй ушёл в смежную пустующую палату. Нам рекомендовали вести себя естественно и не обращать внимания на них. Я посидела рядом с Наташей и она рассказала мне, что Женя раздумал на ней жениться из-за того, что она может остаться инвалидом. Ему плевать на совместного ребёнка, он стал хуже к ней относиться после его рождения, но так как они работали вместе, а ему светило повышение, он не хотел портить свою репутацию и оттягивал разрыв, а теперь видимо решился. Он зазвал её в выходной домой обманом, мол, побудем вместе, отметим твоё улучшение и обговорим свадьбу, а сам вот что сотворил.

Потом нам велели укладываться и погасить свет, что мы и сделали. Наташа не могла заснуть, я тоже. Где-то в районе половины второго в окно стало слышно подъехавшую к корпусу машину. Там часто приезжают скорые, привозят людей с инфарктами, но наш дежурный насторожился и как оказалось не зря.

Через некоторое время за дверью послышались осторожные шаги, и она приоткрылась. В проёме стояла довольно высокая фигура. Почти шёпотом он позвал:

- Наташ, ты спишь?

Наташа не отозвалась, я тоже не шевелилась, только смотрела, обмерев, а фигура скользнула внутрь и наклонилась над Наташей. Её кровать как раз у двери. В этот момент зажётся свет. Это второй сотрудник ступил в комнату, а первый уже стоял возле Жени и крепко за запястье держал его руку со шприцем. Они оказались правы, преступник пришёл добить жертву и попался.

Его увели, а у Наташки случилась истерика, и прибежавшая медсестра вколола ей успокоительное.

На следующий день пришёл следователь прокуратуры снимать опрос с Натальи. Оказалось, что Женя начал пить и, кажется, даже потреблять наркотики. Он попал в неприятное положение из-за долгов и решил таким образом избавиться от обузы в образе Наташи, чтобы решать свои дела на свободе от каких-либо обязанностей, не придумав ничего лучшего, как устранить её физически.

Приехала Наташина мама. Она очень плакала и сетовала на судьбу дочери:

- Говорила же я тебе, он плохой человек.

Ну, что уж после драки кулаками махать. Всё лечение Натальи пошло насмарку, нужно было не только начинать всё сначала, но и лечить последствия отравления. Мне через три дня предстояла выписка, а матери посоветовали нанять Наталье сиделку, так как она нуждается в постоянном присмотре. Скажу сразу, живём мы неподалёку и судьбу Наташи я знаю. Она осталась инвалидом, а мать растила дочку и ухаживала за инвалидом в коляске, каким стала Наташа. Женя получил срок.

После выхода из больницы, я вышла на работу, но состояние моё не улучшилось и Михаил Михайлович, позвонил заведующей и отругал её за невнимание к его просьбе. Меня направили обследоваться в первый диагностический центр. Обследование там выявило энцефалопатию 2 степени по смешанному типу, что являлось следствием перенесённой травмы и остеохондроза. В итоге я получила вторую нерабочую группу инвалидности. Я очень плакала, мне было тяжело ощущать себя инвалидом и сразу нерабочей группы. Просила дать третью, чтобы хоть немного работать. Михаил Михайлович протянул мне список работ запрещённых и разрешённых и сказал, смотри сама, где ты можешь найти себе применение при твоей болезни. Я просмотрела и разревевшись оттолкнула список.

- Ну что? Кем ты можешь работать? - спросил он, а я ответила - Сидеть в туалете и кричать занято.

- Вот то-то - констатировал он.

Так грустно закончился период моей активной деятельности. А позже и у меня случатся периоды, когда я не смогу двигаться вообще, ноги будут отказывать. Это тоже проявится полинейропатия, но в более лёгкой форме, временами. Мне предрекут коляску через два года, но я сделаю всё, чтобы не стать обузой детям и держаться.

Глава 70. Учиться жить дальше...

Психологически мне было очень тяжело. Я привыкла быть в гуще событий, привыкла быть необходимой, привыкла жить для людей и вдруг разом всё, полный обрыв и никакого понимания, как жить, что делать?

С другой стороны я помню свой давний спор с Ниной Михайловной, когда я сама сказала ей, что если ты осознаёшь, что стал тормозом в работе, что приносишь больше вреда, чем пользы,

нужно уходить. И сейчас взвешивая свои допускаемые в работе ошибки, те усилия, которые предпринимались для их исправления, я умом осознаю, что ушла вовремя. А значит нужно жить для семьи, для себя, а там время покажет. А вдруг будет улучшение и группу мне смягчат или вообще снимут? Хотя с другой стороны сейчас столько желающих работать, а рабочие места становятся дефицитом, что надежды слабенькие. Но пока надежда есть, нужно только усиленно проводить назначенное курсами лечение.

Теперь у меня, как у стариков, «ты будешь работать на лекарства»...

Нет, конечно, лекарства отпускают бесплатно, но их гора и нужно принимать строго циклично и по времени. А памяти не хватает, хотя для памяти и пью.

Занимаюсь домашними делами, больше времени посвящаю своим мальчишкам и собаке, живу их интересами, а чувства удовлетворения от прожитого дня нет, нет чувства нужности своих усилий и насыщенности жизни. Не знаю, может тем, кто подходит к этому переходу постепенно подготовленным легче? А может также трудно?

Да ещё и Саша, снова без работы, снова в постоянных брожениях, снова на первую полученную на подхалтурке копейку напивается и просто безобразничает. Доводит меня до исступления, я уже желаю себе смерти, избавления от такой никому не нужной жизни. Понимаю, что это плохие мысли, но новые выходы, новые идиотские поступки и я вновь желаю того же. В пьяном угаре, столкнулся у подъезда с таким же алкоголиком, поскользнулся на мокром камне, размахался руками, чтобы удержаться и попал тому по лицу, вышиб сигарету. Тот взбеленился, пусть и молодой, но такой же пьяный, кстати, отец Ванечкиного одноклассника. Наш убежал куда-то, тот пошёл домой, а вечером, добавив ещё, решил прийти к нам, разбираться с обидчиком. Пришёл во всеоружии, вооружился отвёрткой и пружиной дверной, вместо дубинки. Одно слово, пьяный...

А у меня внуки с ночёвкой пришли. Наташа с Женей и матерью поехали в Тульскую область на похороны, детей к нам пока. Открываю дверь на звонок, а передо мной встрёпанное чудо с красными, налитыми кровью глазами

- Твой где?

- Не знаю - отвечаю, - не приходил пока.

- Ну, тогда ты за него и отвечай - и на меня с отвёрткой.

А детишки, они ж любопытные, на звонок за мной выбежали. Володи нет, гуляет, Ваня в комнате за компьютером в наушниках сидит, Лёшка с работы только в 11 придёт, так что я считаю одна с малышами. Загораживаю их, пытаюсь их в комнату утолкать, а его уговорить угомониться, я то при чём? Только он ничего не соображает, отвёрткой размахивает, благо пьяный, всё мимо, то в стенной шкаф, то в косяк двери попадает. Соседка выскочила, урезонить его пытается, жена его снизу бежит.

- Слава остановись.

А Слава невменяемый. Отвёртка в шкаф впилась и не вылезает, он за пружину. Женщины кричат, дети плачут, я молча пытаюсь сопротивляться и его к двери вытеснять. Соседка в милицию позвонила. Он пружиной на меня намахнулся, я в сторону и пригнулась, пружина о притолоку комнатной двери ударила и из руки у него вылетела в коридор. Жена его пружину подхватила, кричит ему, идём домой, милиция едет. Это до него дошло. Он ведь уже сидел за хулиганство и испугался. Рванул вниз по лестнице, но угрозами сыплет, я, мол, сына твоего с работы подкараулю и пришибу. Это он в адрес Жени, они по соседству на предприятиях оба водителями работают. Только он убежал, мой явился, я злая, перепуганная за детей,

встрёпанная, накинулась на него с криком: «рассказывай, в чём дело». Он и рассказал. А во всё время, пока сосед хулиганил, мой оказывается на лестнице на девятый этаж сидел. Всё видел, слышал, а на помощь не пришёл. Вот как его пьянство изменило. И сейчас рассказал и быстрее в кровать нырнул, мол, милиция придёт, он тут не причём.

Милиция приехала, опросили нас, соседка пошла их до его квартиры провожать, а я села писать заявление, как мне велели. Написала, а тут и их человек подходит, в подъезде, говорят, прятался. А пружину в мусопроводе нашли, он её туда выбросил, следы заметал. Повезли его в отделение и велели нам с соседкой туда же через полчаса подойти.

Я детей спать наладила, они уже успокоились немного, но не совсем. Ване велела с ним сидеть, книжку им почитать, а сами с соседкой в милицию пошли. Стыдно жутко, мы стали героями бытовой драки пьяной. Пусть не мы затеяли, не мы дрались, а стыдно нам. Славка в милиции перед дознавателем сидит, прикованный цепью к сейфу, жена у стенки стоит, плачет, а нам велели сесть напротив у стола и опрашивать стали. А тот всё грозит, ему уж говорят, ты, что себе на лишний срок наговорить хочешь, а он не соображает, бушует. Норовит вскочить, до меня дотянуться, ударить, а цепочка не даёт.

Вышли мы оттуда, ощущая себя в грязи извалявшимися. Неприятно это, его в КПЗ отправили, сказали, дело расследовать будут, и потом суд. Жена с нами идёт, плачет, уговаривает, как, мол, я буду с двумя детьми жить, пожалейте меня. Я и говорю, тебе поможем, а вот жалеть не буду, если ему сейчас спустить, завтра он от безнаказанности убьёт кого, сама слышала, как он Жене моему грозил. Она понимает, что права я, но ревёт. Дуры мы бабы, ох дуры. Сразу про него и dokonчу здесь же. 9 месяцев следствие длилось, три раза суд назначали, и он не приезжал на суд, в день суда больным сказывался. На третий раз мы уже сказали в суде, что больше приезжать не будем, решайте дело без нас. Свете каждый раз с работы отпрашиваться, а мне больной и плохо двигающейся, к тому же теряющейся на местности тяжело. Тогда вы должны что-то написать, а иначе дело не решить. Мы спросили, а что за болезнь-то у него приключается каждый раз. Секретарь хихикнула, расстройство живота. А понос разбирает? Тогда понятно, вот бумагу пишу, что больше претензий к нему не имею, коли он трус такой. Пусть жидким стулом не страдает, думаю, уже насиделся, подумал.

Идём со Светкой из суда и смеёмся, нервное это конечно, но что делать-то, надоело. В общем, осудили его на тот срок, что он в КПЗ провёл и освободили. Только чудное с ним твориться стало, только завидит меня издали, прячется. Словно это я ему грозила. Хотя, наверное, стыдно ему просто на трезвую голову стало. Кстати жена за это время с детьми из Москвы уехала, сказала, что развод оформлять будет. Так он и лечиться сам пошёл, и пить бросил только бы её и сыночек вернуть. Вернул, живут теперь хорошо, чему я очень рада, а она мне благодарна и он извинился в итоге.

А мой только хлеще пьёт, дом хламом заваливает, по полгода не моется и спит прямо в постели в том, в чём по улице шастает и в оврагах валяется. Запах дома стоит, не продохнуть, хоть и балкон постоянно открыт. Голым вдруг из комнаты выскакивает и кричать на всех начинает. Трусы прямо сгнили на нём, кошмар ходячий, а не человек. То со стенкой разговаривает и дерётся, то вскочит посреди ночи и из дому убежит и так раз по пять за ночь, взад-вперёд. Я уже спать нормально перестала, боюсь его. А тут из Психоневрологического диспансера позвонили, узнать, что да как с ним. Я объяснила и сказала, что я на инвалидности, а он такие вещи творит. Велели приехать. Ванечка со мной поехал вместе, одна я заблудилась бы, хоть и бывала там раньше, но перестала ориентироваться на местности, теряюсь. Болезнь прогрессирует от недосыпа и нервов постоянных. Мы всё рассказали, нам бумагу дали, направление в Кащенко и в милицию. Участковый должен его сопровождать в больницу. Тогда ещё этот порядок был, потом его отменят. Сами доставляйте. А тогда пришли, под белы ручки взяли и увезли. Месяц пока он лежал, вернее полтора, мы отдыхали. Мальчики на помойку всё натасканное им три дня без передышки рюкзаками носили и тележкой вывозили. Одних телевизоров семь штук, не говоря о

прочей гадости помоечной. Все электроприборы собирал и складировал. Чинил он их в мыслях своих.

Я только раз один в больницу съездила, к врачу лечащему по вызову. Он обстоятельно опрашивал меня обо всём, что я знаю. Сказал, что у него посталкогольная энцефалопатия, он даст выписку, нужно будет идти к невропатологу и потом группу инвалидности оформлять и лечиться тоже нужно. Но мой никуда потом не пошёл, а выписку порвал и выбросил. Хоть и не пил уже, а с головой всё-таки не порядок оставался. Начал, как и мать раньше, ходить к подъезду, сидеть с бабками, на жизнь жаловаться, кости семье и соседям перемывать. Из этой же лаборатории душ человеческих принёс новость, что я не больна, а прикидываюсь, а группу мне по благу дали, я, мол, работать не хочу, вот и всё. Вот так и жили, на мою пенсию и Лёшкину плату впятером. Ад, конечно, невообразимый, ни на что не хватает, концы с концами еле сходятся и когда этот ад закончится одному богу известно.

Стала я искать способы заработать, стала нашим соседкам старушкам халатики шить, детям одежду кому никому. Где сто, где сто пятьдесят рублей подработаю, уже счастье. Где свяжу что-то. Нужно же жить, вернее выживать. Впроголодь, лишь бы мужиков своих накормить. Больше надеяться вроде не на кого. Но всегда помощь приходит неожиданно. Маришка о беде моей прознала, помогла, Викуся гостинцы нет-нет завезёт. Да и соседка из 6 подъезда, Ванина старшая подружка, женщина преподаватель английского, которой он полюбился за то, что умный и рассудительный, стала помогать кормами для собаки, а это тоже подспорье большое.

Викусе гостинцы из деревни родители мужа навезут, овощи, заготовки, а они чуть не половину мне тащат. Мы, мол, тебя не оставим, добро помним. А мне и совестно и радостно одновременно. Что делать, не до гордости, когда сил уже нет своих.

Глава 71. Жизнь без радости...

Не только в семьях, но и в стране не прекращается чехарда, фальшивые авизо, бесконечный отжим бизнеса друг у друга, непрерывная чехарда в правительстве и беспросвет в низах. Захожу в свою поликлинику и поражаюсь переменам. Отличный врач, вдруг начал брать взятки за больничные и погорел на этом, на житьё стало не хватать, не на роскошь. В итоге врач уволен. Врач ЛОР, замечательный специалист, умерла в возрасте 36 лет, попринимала «Гербалайф», для коррекции фигуры. Скорректировала. У медсестры 17 летний сын, студент-первокурсник умер от передоза, никогда ранее не принимал наркотиков. Первая попытка - передоз. Организм не выдержал. А он в семье единственный сын, на которого дышали. Что это? Беспросвет, иначе не назовёшь. Частенько забегает Ольга с шестого этажа. У неё начались подростковые войны с дочерью, Динарка буйствует. Да и неудивительно. У неё ситуация не лучше, чем у меня была с родными, в отношении Иришки. Дети они же всё понимают, как никто, отлично пользуются ситуацией в свою сторону и манипулируют взрослыми, всеми доступными способами.

С одной стороны первая свекровь, которая Динарку любит и балует, с другой стороны мать алколичка, которая не любит никого, но потакает Динарке и настраивает её в пику матери. Сама дочь не растила, но права теперь качает. Ольга мечется между младшей дочкой и Динарой, а также между двумя бабушками. А девочка пользуется ситуацией, лжёт, дабы вызвать к себе жалость и выторговать преференции. Я говорю Ольге, что жёсткость и скандалы к хорошему не приведут, надо чаще говорить с дочерью откровенно и доверительно, а Ольга плачет, пытаюсь, но она не слушает, закрывается от меня стеной. А чуть что, Динара виляет хвостом и убегает пожить к бабушке. Понять можно, обстановка в квартире патовая. Бабушка допилась до состояния риз, гадит прямо в комнате или в коридоре, не доходя до туалета, дверь в квартиру не закрывается по причине постоянного снования друзей алкашей, Ольга, патологическая чистюля без конца ходит с тряпкой промоченной хлоркой и всё протирает. Я её за это ругаю: «ты же не можешь перемыть весь подъезд и улицу, ты убиваешь иммунитет у ребёнка, и он без конца

будет болеть». В общем, ад крошечный. Мы с ней как-то взялись считать, сколько у нас в подъезде квартир с людьми не пьющими? Насчитали две из 36. Просто финиш всему, дом завязых алкоголиков.

На четвёртом этаже член-корреспондент живёт и у того в семье нелады, жена алкоголичка. С ума сойти. В двух квартирах на первом этаже, стоящих друг против друга живут одинокие инвалиды и оба торгуют спиртным навывнос, через окошко, тем и живут. Не самогонкой, оба не ходячие, но спиртное им кто-то поставляет. А потом оказывается, что одна из них ещё и дурью приторговывает. Конвейер налажен. Полиция в доле, все жалобы отлетают, как от стенки горох. На первом этаже просто нечем дышать, под лестницу, идя мимо не забегают из под арки, только ленивый. Весь пол седой от мочи. Вонючка непроходящая. Этаж минуешь, только плотно прикрыв нос. Никакая уборка, которую регулярно проводит крайне добросовестная уборщица, не помогает. А потом в целях экономии введут комплексных уборщиков, и подъезд начнёт зарастать грязью. Уборка станет вестись на верхнем и нижнем этажах для комиссии, остальное гори синим пламенем. Вот так живём и постепенно опускаемся всё ниже и ниже. И именно в подобных ситуациях вдруг особенно ясно начинаешь ощущать депрессию, разлитую в воздухе. Наши однотипные серые безликие дома, давят на психику людей и создают это состояние безысходности. Какой идиот это проектировал, думал он о том, какой будет эффект от жизни в серых джунглях, где что ни дом, то муравейник, что ни семья, то трагедия. У мужиков одно времяпровождение - стол для домино, возле спортплощадки, где они пьют, матерятся и дико дерутся, если кого-то обнесли стаканом. И однажды мой прибежит с вытаращенными от страха глазами. На его глазах забьют человека насмерть за стакан. Всё хождения по дворам закончились, начался снова поиск работы, пока безрезультатный. Но хотя бы от дружков отошёл и от бабок сплетниц подальше. Лежит, смотрит телевизор или названивает по объявлениям. В наш ДЭЗ его никак не берут, хотя им работники нужны, но репутация впереди человека бежит.

В ноябре приехала Римма навестить нас. Пожаловалась на свою жизнь, муж у неё тоже на инвалидности, после укуса энцефалитного клеща, долго лежал в больнице, а теперь недееспособный абсолютно. Детей у неё трое, одна уже в институте учится, другая скоро школу закончит и сын шестиклассник. Трудно приходится, но живут. Узнала, что мне медаль дали, Саше попеняла, вот, мол, тебе москвичу не дали, а Вере дали, а всё потому, что разум пропиваешь. Ох, это его задело. Он потом медаль мою искорёжит, удостоверение порвёт и всё выбросит. Наверное, полегчает от столь неумного поступка. Жаба душисть перестанет.

У Володи в училище тоже не всё благополучно, не по его вине, а по вине того, что всё в стране вразнос идёт. Машиностроительный завод приватизировали, а затем распродавать по частям стали и в училище не осталось ни одного станка. Теорию изучают, а самого станка в глаза не видели, практики никакой. Ну и какое это обучение? Ну, хоть диплом об окончании средней школы будет и то хлеб. Стипендии естественно не платят, сказать спасибо остаётся, что хоть проезд бесплатный и самих приплачивать пока не заставляют.

Только у Ванечки всё благополучно и оценки отличные и перспективу ему прочат хорошую. У него все предметы хорошо идут, кроме физкультуры. Ну не его это призвание. Математика, физика, иностранный - его, а физкультура, хоть убей. Даже на Олимпиадах по трём предметам участвует городских и места хорошие занимает. Этим радуется. Ребёнок по-прежнему бесппроблемный, вещь в себе, без эксцессов и срывов. Ничем не обременяет никого, ничего не требует, всем удовлетворён. Иной раз это даже подозрительно, но вот такой растёт.

И из школы ни одной претензии к нему, одни похвалы. А уж учитель информатики, она теперь у них настоящая, а не для проформы, вообще его профессором своего дела называет. Приятно.

Внук в этом году в школу пошёл, первоклассник и с первых дней всех радуется. Мальчик умный оказался, учится легко, тоже обязательный и исполнительный. А сестрёнка теперь в

детском саду скучает без него. Она привыкла его опекать, хоть и младшая, а вот с другими детьми у неё отношения не складываются. Всё время особняком держится, разговаривает мало, отгоняет всех от себя, бычится. Мы это дело недоглядели, нужно было бы насторожиться, а мы прозевали этот момент. Я говорю, мы в отношении семьи, сама то редко их вижу и её молчание списываю на то, что она меня плохо знает и редко видит, а там проблемы глубже оказались. А они в семье этого не доглядели. Наташа с Женей всё отношения меж собой выясняют, ссорятся, оказывается часто, бабушка всё внимание Андрюше, он на деда похож, она его безумно любит, а Катя сама себе предоставлена. Ребёнок тихий, ни с какой просьбой не обращается, сидит себе в уголке и чем-то занимается, а вот если обратятся, вспышка агрессии и слёз. Они об этом молчали, не говорили. А стоило тревогу бить, но не судьба. Спокойствие внешнее обмануло. А у девочки одна привязанность, брат, других словно и не существует, постольку поскольку.

Глава 72. Приметы времени яркие и памятные.

Главная примета времени начинают разваливаться предприятия, люди в активном поиске работы и очень скоро на месте больших научно-исследовательских и прочих предприятий возникают, маркетинговые конторы-Никанора, а также масса юридических консультаций. Причём консультанты там не всегда отменные юристы, чаще отменные махинаторы. Все эти конторы приобрели нарицательное название «Гербалайф», не важно, что они распространяют. В квартиры звонят почти непрерывно молодые люди с баулами и товарами и наперебой начинают скороговоркой втюхивать тебе свой товар и хвалиться своими доходами. В итоге уже боишься подходить к двери.

Муж наконец-то нашёл работу по объявлению, куда его пригласили на собеседование. Приехал гордый, вот, мол, пройду обучение и буду работать. Через две недели поездки на обучение потребовал 500 рублей первоначального взноса. Спрашиваю, что за работа? Оказалось маркетинговая сеть, а деньги нужны на первую партию товара, а потом выручку сдаёшь и получаешь ещё. Объясняю ему, что это кидалово, что он ничего не заработает, а только потратится, а я ради его опытов не могу оставлять семью без еды. В общем, поругались вдрызг, после оказалось, что права я. Никто из пошедших с ним не преуспел, все только потеряли и время, и деньги, а часть товара осталась у них, как компенсация, но товар бросовый, даром никто не возьмёт. Так что пребывает снова в поисках.

Но где-то ближе к Новому году, повезло. Нашёл работу электрика в Чертаново-Северном. Стал ездить туда, обслуживать дома. Пока держался, не срывался. Я немножко воспряла духом. Теперь у меня появился новый бзик. Женя привёз от Надежды целую сумку мулине, канвы и рисунков, оставшихся от мамы. Надежда разбирая, предложила ему отвезти матери, вдруг пригодится, а то выброшу. Он и привёз, а я раньше вышивавшая не слишком охотно, только по необходимости, вдруг взялась за вышивку, почти без остановки, а мои смеются, в тебя бабушка Нина вселилась. Может и так, но интерес проснулся. Правда вдруг обнаружила, что совершенно не могу слепо копировать чьи-то работы. Не так вижу вещь, обязательно должна что-то своё внести или изменить. Дух противоречия какой-то. И даже собственные работы повторять не могу, обязательно отличия будут. Одного и того же Христа вышиваю, количество крестиков то же, всё как по рисунку, а выражение лица отличается. Не знаю то ли от настроения, то ли ещё почему, но то суровый, то печальный, то просветлённый получается. И с Богородицей то же самое. Не получается один в один, хоть ты тресни, не копиист я и всё тут.

А мои говорят, ты мать кому вещь изначально подарить задумываешь, так под их натуру у тебя и получается. Просто чудеса, да и только. Вот так я нашла себе успокоительное лекарство в тихой и неспешной работе. Вышила икону Богородицы, отвезла в подарок церкви при кладбище и словно на душе просветлело. Спокойно так стало, легко, как будто дочка меня поблагодарила.

Много ли человеку нужно, чтобы с собой примириться в этом жутком мире? А время между тем движется. Вот уже и 1998 год наступил, быстро время летит, незаметно. Тут ещё Иван начал

меня постоянно к компьютеру привлекать. Игры логические подсовывать. Тебе, говорит нужно мозгу не давать расслабляться и реакцию поддерживать, давай по часу в день хотя бы. И ведь приучил. Пока шарики или кубики попереставляю, думать приходится, поначалу робко, а потом всё сноровистей получается. И голова думать лучше начинает, значит, правда помогает?

Где-то в феврале, гуляя с собакой, встретила нашего бывшего терапевта, Валентину Алексеевну. Она за полгода до меня ушла из поликлиники на пенсию. Долго её не видела. Уходила она вконец измотанная работой, нервная, дёрганая, а тут идёт навстречу живая, цветущая, лет на 10 помолодевшая бодрая женщина. Сразу и не узнаешь. Увидела, обрадовалась: «Ой, Верочка, я как раз о тебе думала, вот удача-то». Разговорились, она мне и говорит, ты мол, собаку домой отведи и пошли ко мне, дело есть.

Пришли к ней, она чай на стол, пирожки свои и давай расспрашивать, что у меня и как я. Рассказала, а она говорит, я тебе помогу. Достала несколько препаратов растительных и даёт с наказом, как когда и по сколько принимать. А потом, говорит: «придёшь ко мне и скажешь что чувствуешь». Ну, а делом нужным оказалось - стихи маме на день рождения написать, она домой в Чернигов ехать собралась, к маме на юбилей на 80-летие, вот и нужно поздравление. А мама тоже врач, но уже на отдыхе. У них вся семья врачи. Я попросила главные вехи маминой жизни рассказать, а потом села и написала, о чём просили. Валентина Алексеевна довольна осталась и велела, через две недели, как она вернётся прийти и рассказать, как мне препараты помогают или нет. И принимать не бойся, они все натуральные. Но и свои назначенные не бросай, эти в усиление будут. Ушла я от неё с целой сумкой препаратов.

А там гинкго-билоба американский препарат, орехи кедровые Новосибирский, растительный сбор из трав и ягод из Томска, от приливов, Нутрикон из злаковых для желудка и кишечника и ещё разные.

Стала их принимать и правда помогают. Сон наладился, головокружения уменьшились, боли меньше мучают и голова яснее соображает. Не сразу конечно, по мере накопления, но заметно улучшается. Хожу уже не держась за стены и не шатаюсь, а это для меня самое главное.

Вот через две недели и пришла я к ней снова, а там дам пять шесть собралось. Оказалось, что Валентина Алексеевна является соучредителем одной из таких маркетинговых фирм Арго, по распространению пищевых добавок, как их называют, а по сути растительных препаратов лечебных. А дамы, что у неё собрались, как раз те, кого она в фирму привлекла, лечить себя и другим помогать.

Я поначалу испугалась даже, ну вот сама влипла в то, от чего мужа отговаривала, а она мне говорит, что они торговать ходить не предлагают. Ты можешь просто брать что-то для себя и семьи или друзей, не нужно ходить по квартирам и привлекать кого-то или продавать. Ну, если не нужно, тогда я решила пользоваться услугами фирмы. Тем более, что мне помогают препараты, я это чувствую. А главное, то, что в аптеке стоит тысячи, здесь я могу приобретать от 60 рублей до 800, в зависимости от препарата и вдобавок со скидкой в 30 процентов, как член.

И всё так и вышло, без обмана. В фирме разные люди были, кто хотел распространителем работать, посещал занятия по маркетингу, а кто не хотел, мог посетить занятия у врачей для консультации и приобретать для себя по рекомендации их. Я так и сделала. Честно скажу, их препараты мне здорово помогали. Я теперь снова смогла ездить по Москве, и ориентация наладилась, и самочувствие здорово улучшалось. Не так, чтобы совсем всё прошло, но жить здорово помогало более полноценно. Потом правда я с этой фирмой связи прерву, они руководство поменяют, ориентацию тоже сменят, на косметику и приборы всевозможные перейдут, но три года я их продукцией лечебной пользовалась и была довольна. Зарплаты конечно я никакой не получала, ведь просто пользователем была, но подругам многим помогла с проблемами. И в семье от простуд на то время совсем с их препаратами избавились. А потом

многие из этих препаратов в аптеках появились, только цены задраны были будь здоров, не по карману пенсионерам.

Вот в это время и подружился мы с Анютой, женщиной со второго этажа, которая станет моей подопечной. Не могу же без груза жить, всё время кого-то опекать нужно. Иначе жизнь не в жизнь.

Анна моя ровесница. Мы с ней раньше не дружили, я была не её поля ягода. Сама Анна родилась в деревне, в Калужской области, но потом, после ранней смерти родителей оказалась в Москве, на попечении бабушки, ей тогда было десять лет, а по метрике, не знаю с какой целью, мать увеличила ей возраст 12. Анна росла девочкой сообразительной, училась в школе легко, но к наукам особо не стремилась. Её более привлекала жизнь обеспеченная материально и по окончании восьмилетки, она поступила в торговое училище, практически решив, что торговля место доходное. И, в общем-то, не ошиблась.

А так как она была помимо прилежной ученицы ещё и активной общественницей, то по окончании училища получила распределение не в магазин, а в районный торг. То есть она должна была заниматься снабжением магазинов товарами, движением и учётом этих товаров. Помимо этого стала очень скоро профсоюзным деятелем, а потом и парторгом. Так что успела попользоваться всеми благами своего положения сполна и поездить по заграницам и поиметь материальную выгоду от удачного распределения нужного товара, нужным людям, естественно за отдельную благодарность, не без этого. Поэтому я и была не её поля ягода. Дружила она с женщиной со своего этажа Наташей, долго до этого жившей и работавшей за границей, в Сирии и только в конце 80-х вернувшейся в Москву и то, по причине недомоганий сына в том климате.

Наташа тоже была торговым работником, а впоследствии работником бара, вернее владелицей бара. Так что у них был свой круг по интересам, в который голь перекатная вроде меня не вписывалась. Нет, мы здоровались, перекидывались словечком иногда, но дамы разговаривали с презрением, свысока, через губу, как с плебеями. Было у них, помимо достатка и другое общее. У обеих сыновья, ровесники Женьки, были наркоманами.

Вот это было их расплатой за высокомерие и их вечной болью. Врагу злomu не пожелаешь, такой боли. Дети жили, не зная ни в чём отказа, катались как сыр в масле, родители считали, что вещами компенсируют им недостаток внимания и от пресыщенности, от скуки, связались с компанией где, как им казалось, они найдут и отдушину, и лекарство от скуки, и общие новые впечатления. Нашли, подсели крепко. И теперь матери радовались, что пересадили их с наркотика на алкоголь, мол, вреда будет меньше, а то умирают дети медленно, но верно. Обе не понимали, что хрен редьки не слаще.

А потом Анна в 45 лет оказалась на группе, у неё наследственная тяжёлая форма гипертонии, от такой же умерла её мама. Но во время жизни мамы таких лекарств не было, а Анютина жизнь продлилась благодаря новым препаратам, вот только дееспособность она утратила. А с нею и доход снизился и вполне естественно, как и бывает в этих кругах, гусь свинье не товарищ, Анюта не стала нужна Наташе, мол, кто я и кто ты. Вот тогда она и стала работать то в винном магазине, то на приёме тары, то на уличной распродаже, на лотках. Сын-то денег требует, а на пенсию его запросы не исполнишь. А он, взрослый бугай, работать не хочет. Не приспособлен.

А вдобавок к этому вызвалась быть старшей по подъезду, какая никакая, а должность, она привыкла быть на руководящей работе. Ну и по старой памяти и связям всё что-нибудь для работников ДЭЗа раздобудет, а те ей что-то выделят. Приехала в наш дом Анна в 81-м году, по обмену. Раньше она на Варшавке жила, а с мужем разошлась, жильё разменяли, у неё квартира под нами на втором этаже, двухкомнатная, оттого что на месте третьей комнаты-арка. А у мужа тоже на Днепропетровской, только к лесу ближе, за Чертановской, комната в коммунальной

квартире. Муж уже дважды женился и разводился, а сам постоянно к Анне бегаёт. Она его смешно, Залупейкин мой, зовёт. Он всё надеется, что простит она его, и они сойдутся, а она ни в какую. У них трое детей было, но двое первых умерли один шестимесячным, второй двухгодовалым, Аня не говорила отчего, видимо тяжело рассказывать, муж бил её сильно раньше, может и было там что нехорошее. А над третьим она и тряслась и жестокой одновременно в детстве с ним была, может наркомания парня и была за это платой.

Она его как наказывала, если он что-то творил в детстве. Выводила к подъезду на лавочку и велела всю ночь у подъезда сидеть, наказанным. Ребёнок восьми-девяти лет сидит, трясётся весь, ей неважно какая погода, но с места не уходит. Сколько мы пытались его уговорить с соседями, каждый к себе ночевать звал. Нет, не шёл, боялся мать послушаться, спал на лавочке. Пока крепко с ней все не поругались и не пригрозили заявить на издевательства над ребёнком. Тогда только перестала. А теперь он её бил и гонял, если она капризы его не исполняла. Вот ведь, сами себе мы кару своими руками готовим.

А теперь Анна беспомощная и всеми заброшенная была. Раньше ходит нос кверху, маленькая, но удаленькая, властная гордая. А теперь ревёт по любому поводу и ничего сделать не в состоянии. Я на это смотреть спокойно не смогла, взяла её под своё крыло и для начала стала её нашими растительными препаратами пичкать, на ноги поднимать. Соответственно с врачом предварительно посоветовавшись и получив назначение. И ведь подняли. Взбодрилась она и ожила. Теперь снова смеяться научилась и радоваться, да не знали мы, что нас впереди ждёт. Хорошо, что многого мы вперёд не знаем, иначе руки бы опустились. Так что пока вместе гуляем, вместе лечимся.

Глава 73. Проблемы взрослеющей личности. Последние шалости...

1998 год явился для меня, пожалуй, под знаком Вовки, так как почти все ключевые события были связаны с ним. Как началось с него, так и закончилось.

Во-первых, друзья, один постарше, парень неплохой, но проблемный, второй помоложе, олигофрен. Сын из семьи алкоголиков-родителей, с малыми возможностями умственного развития, но большими претензиями на материальные запросы. Постоянно тусуются у нас и уже неприятности мне непонятными поступками доставили. Сначала, неизвестно зачем раскурочили дверь в маленькую комнату, пробив в ней дырищу и испортив Иришкин рисунок. Мне крайне неудобно перед Лёшей, ведь сейчас он живёт в этой комнате и что же, за ним как бы подглядывать собрались. Соответственно пришлось дверь оклеивать плёнкой, чтобы скрыть безобразия, а ребят отругала. Но они другую «шалость» придумали. Обстреляли болтами, гайками и обрезками труб, детскую коляску с балкона. Меня в этот момент дома не было, мы с Аней по магазинам ходили, а они резвились.

Возвратились, дома никого, зато звонок из милиции, придите на собеседование. Пошла и узнала, в чём дело. Выгораживать ни своего, никого не стала, совместно делали, совместно отвечайте, все виноваты, неважно кто зачинщик, а кто в стороне стоял. Злая была, до беспределности. Я когда с Ванечкой в поликлинику ежедневно ходила, однажды также вот, пакетом молочным по коляске получила, от таких же шутников. Пакет порвался и всё залил, а я только об одном думала, хорошо, что колпак не опустила, не по голове ребёнку заехали. А теперь мой сын так поигрался.

Их пожурили, поставили на учёт и отпустили домой, а я иду и всю дорогу ругаюсь на своего. А он виноват, но извиняться не умеет, затаится, перемолчит, а потом как ни в чём не бывало, когда я перекиплю, заговорит. Вот так же, как отец. В этом он его копия. Так что я бушую, он молчит. А меня, если понесёт, то пока завод не кончится, все грехи переберу и спорить со мной в этот момент, только масла в огонь подливать. Дети это знают, оттого и дают проораться, быстрее, мол, выдохнешься.

А у меня, когда много вот такого запала неизрасходованного бурная деятельность просыпается. Так и сейчас, всё накопленное вылилось в мысль нужно делать ремонт. Наш с Вовкой, вернее мой разговор, закончился тем, что я запретила ему этих друзей в дом приводить. Коль вести себя не умеют, пусть к себе водят и там гадают. Он не послушался, больше их не приводил, а сам не любитель ходить куда-то, так что от них отошел постепенно.

А у меня, как раз перед этим от двух соседей обои нарисовались, они лишнего приобрели и мне предложили. Сама я давно лет пять ремонт не делала, значит нужно делать.

Вот на этом взводе и взялась. Вовка ежедневно с отцом на работу уезжает. У него в училище должна практика быть, а проводить её негде, завод продали, и училище последний выпуск производит, тоже закрываться будет. Вот им и дали задание - устроиться на три месяца где-либо поработать, а потом им свидетельство об окончании выдадут, вроде как практику прошли. Кто куда, вплоть до помощника поваром детки устроились, а мой к отцу в бригаду электриком. Такие стали порядки, точнее полная анархия.

А я дома одна, чем заняться, именно ремонтом. С вечера они мне перестановку сделали, комнату освободили, я и занялась потихоньку. Правда сил прежних нет уже, так что ремонт двух комнат и кухни занял у меня аж три недели, а впереди ещё комната и коридор были. Но не успела, тут на нас неприятности обрушились.

Дело как раз между майскими праздниками, тогда ещё по десять дней не гуляли. ЖЭК стал крышу на доме перекрывать. Содрали старый гудрон и материал кровельный и благополучно отбыли на выходные, оставив нам над головой дыру приличную, ничем не заделанную. А погода решила дождём разгуляться. Ну и разгулялась. Залило нас, по самые не балуй. Девятый этаж сначала, а потом и нас, ну а уж ниже я не дала протечь, всякой посуды наставила, что в доме была. А у самих не то, что побелка, заделка швов с потолка обрушилась. Обои на стенах, до середины стены отклеились и кудрями повисли, и паркет дня три весело стрелял плашками по всей комнате, салютовал. В итоге полный раздрай получился. Я в ЖЭК названиваю, чтобы комиссия пришла, а они ни гу-гу, пока сама туда ругаться не отправилась. Пришли смотреть и вместо того, чтобы ущерб оценивать, стали на нас же и кричать, что мы, мол, сами ремонт лет пятнадцать не делали, вон обои какие почерневшие, а хотим с них содрать. Я сказала, ремонт пять лет не делали, а обои такие оттого, что в прошлом году пожар наверху был, и нас горелой водой промочило, вы же тогда сами и приходили. В общем, им ни платить, ни заниматься не хочется, а мне как быть?

Ушли они, а я за телефонный справочник села, консультацию юриста получить. Ну и конечно получила, дозвонилась до независимой экспертизы и вызвала их. Через неделю приехали. Всё запротоколировали и велели через неделю приезжать за актом и готовить три тысячи рублей оплаты. С этими деньгами мне Аня помогла, дала в долг. Акт общего ущерба с учётом износа материала, по госрасценкам, а не по коммерческим составил 30 тысяч рублей и мне стало понятно, почему ЖЭК так упорно отказывался. Они и теперь настаивали, что виноваты не они, на что я ответила, с этим пусть сами разбираются и взыскивают с виновного, а я в суд на них, как на заказчиков подаю.

Подала иск в суд с приложением акта, чеков на юриста и экспертизу и попросила ещё взыскать судебные издержки за счет ответчика. Стала ждать, когда суд. Подала в мае, а сам суд будет аж в октябре. Туда же к документам образчик обоев с газетой на изнанке приклеенной приложила, чтобы доказательство было, что ремонт пятилетней, а не пятнадцатилетней давности. Как оказалось это решающим доказательством явилось, иначе я проиграла бы. И ведь никто не надумил, сама запомнила слова этой комиссии о давности ремонта, и как вышло, не зря.

Пока суть до дела, ждём суда, снова Володя отличился. В июне это было. Сосед у нас на третьем, новый русский, расцветающий предприниматель с большими амбициями. Он Вовку подбил наковырять ему ночью плитку на площадке, между тремя домами. Ему, мол, дорожку на даче сделать, а она всё равно никому не нужна. Мой, дурачок и пошёл, как же дядя Юра попросил и денег пообещал. Я жду, пожду, не идёт сын с гулянья, нервничать стала и тут звонок, и опять из милиции.

Мне сообщили, что сын задержан на месте преступления, по звонку от жителей, за расхищение общественного имущества. Он находится в дежурной части, протокол на него составили и мне следует забрать его домой, а потом нас вызовут по повестке к дознавателю.

Я поблагодарила, за то, что они сообщили мне о местонахождении сына и теперь я смогу спокойно уснуть, зная, что он под присмотром. За ним я не приду, пусть посидит до утра и подумает. Мне ответили, что впервые видят такую мать, на что я сказала, всё в жизни бывает когда-нибудь впервые.

До этого он сидел в гадюшнике, вместе с алкоголиками и дебоширами и насмотрелся, и наслушался многого. А тут его дежурный пожалел и отвёл вниз в отдельные камеры, где он мог спокойно поспать. Конечно же, спать он не смог, испугался основательно.

Утром, в шесть часов его отпустили домой. Он пришёл тише воды, ниже травы. Первым делом ходил в ванну, где долго и яростно драился. Потом вышел на кухню и сказал мне:

- Я всё понял, и я не хочу сидеть никогда больше».

- Ну, если ты всё понял, я рада, а то завтра какой-нибудь дядя Коля, или дядя Петя, попросят тебя об очередной услуге, и ты побежишь за денежки. Пора бы разбираться, что хорошо, а что плохо.

Это было последним глупым подростковым безумством. Сын повзрослел за одну ночь, понюхав, чем пахнет пока ещё не тюрьма, а её преддверие.

К следователю нас не вызывали, Юру, зачинщика этого безобразия, заставили восстановить порушенную плитку за свой счёт, что он и сделал.

Три месяца работы у отца закончились, Володя получил свидетельство об окончании училища, и теперь нужно было искать работу. А какую?! Специальности-то, считай, и нет. Но не успел он приступить к поискам, как случился приступ аппендицита и мы с Ванечкой повезли Володю в больницу, потом сидели там и ждали, пока сделают операцию. Его забрали на стол экстренно, он был в шаге от разрыва. А потом сидели возле бессознательного, беспомощного Вовки и трепали его по щекам, как велел врач, а он вообще не реагировал. Бить со всей дури, как ударил врач у меня рука не поднималась. Пока мужики в палате не сказали, оставь его, мать, он придёт в себя, проспится, мы последим. Время посещения заканчивалось и хочешь - не хочешь, нужно было уходить. Оперировали его в 7 больнице на Каширке.

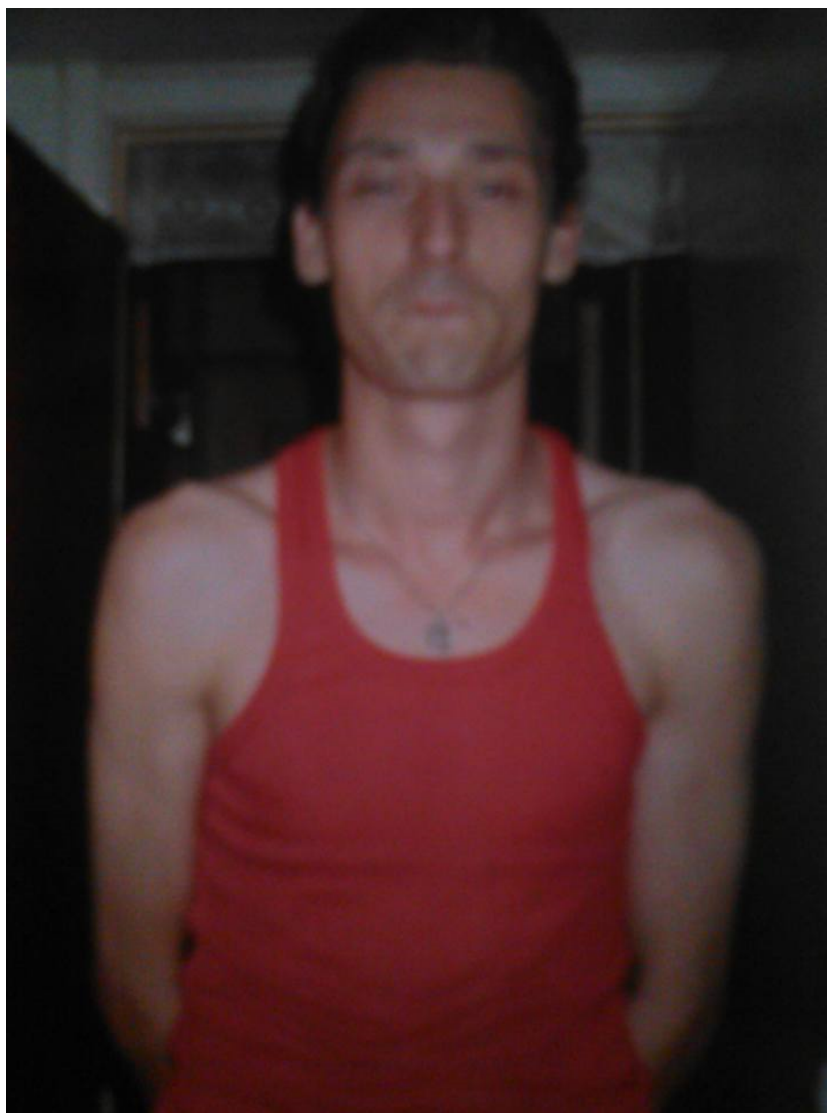
Вот именно там познакомился он с девушкой лаборанткой Кристиной, сыгравшей очень плохую роль в его жизни. Кристина девочка видная, цыганистого типа, из не бедной семьи. Папа также начинающий предприниматель, мама врач. Дочка учится в медучилище и подрабатывает, заодно получая практику в лаборатории забора крови. Роман у них сразу начался бурный и пламенный. Вовка потерял голову, просто влюбился, а она имела другого любовника, и Вовка был для неё обычной игрушкой, от нечего делать, пока любовник отдыхал на югах. Но Володя об этом не знал. Тот парень учился, вернее уже заканчивал обучение на юриста, был вхож в семью и в отношении него были серьёзные планы у обоих семейств на совместную жизнь детей. А у детей

были современные независимые взгляды - получай удовольствие где и как можешь. Так что он отдыхал также не в одиночестве, всё взаимно.

Володя нашёл работу недалеко от дома, в институте по производству лекарственных препаратов для ветеринарии. Теперь днём он работал, а вечера проводил с Кристиной. Ездили по концертам, по кафешкам, просто погулять. А потом вдруг стали встречаться реже и Володя недоумевал. Кристина оправдывалась тем, что начались занятия и ей некогда. Вовка стал ездить к училищу и подолгу караулить, ждать её, а она видимо видя его издали, уходила другой дорогой.

Однажды она позвонила и попросила приехать на встречу в знакомое кафе. Вовка помчался окрылённый, а приехал как подбитый. Он сказал, что во время встречи, Кристина сказала ему, что она беременна, на что Володя обрадованно заявил: «хорошо, давай поженимся». А она ответила, что брак в её планы не входит, ей ещё в институт поступать, и она не собирается обременять себя обузой. Но если он не хочет неприятностей, то должен заплатить ей 25 тысяч, за потерю девственности и за то, что она сделает аборт, а это ущерб здоровью. Тут и нарисовался её дружок, который представился другом семьи и защитником интересов Кристины. Долго рассказывать не буду, но с помощью настоящих юристов нам удалось умерить притязания парочки и отвадить их от преследования лохов. Им пригрозили, что они попросту сядут, как аферисты. Вот после этой девушки Володя и разуверился в девчонках. Потом у него будет много девушек, но ни с одной он не захочет серьёзных отношений, памятуя поступок Кристины.

Глава 74 Разные разности...

Ванечка пошёл в девятый класс, а это значит, что в этом году ему решать, куда двигаться дальше. У него лучше всего обстоят дела с математикой физикой и иностранным, поэтому учителя возлагают на него большие надежды. С первого класса до начала учебного года он решал весь учебник математики самостоятельно и потом только вписывал готовые задания в тетрадь. Мне лично так никогда не удавалось, а ему легко. Володя, поработав на комбинате лекарственном, перешёл в другое учреждение по соседству. Здесь ему предложили работу более интересную, диспетчером по перевозкам. Он научится отлично ориентироваться по карте Москвы при отправке грузов по магазинам, что очень поможет ему во всех последующих работах. Так что парень тоже вполне нашёл себя, но пока не загадывает далеко, ведь ему скоро 18, а значит армия. Отец снова без работы. Как говорится более нескольких месяцев продержаться без срывов, никак. Но на сей раз довольно быстро находится место в дорожной службе, вернее в службе дорожного освещения. Ездит с бригадой по району, исправляют уличное освещение, меняют устаревшие провода и лампы. Работа нелёгкая, постоянно на вышке и житьё в вагончике. Но, как говорится, и за такую спасибо.

А у меня начинаются чудеса в решетке с судом. Суд назначен на 9 октября на 14 часов дня, о чём меня известили повесткой. 3 октября со мной связался юрист ЖЭК и попытался надавить на меня на предмет отказа от суда и согласия на проведение ремонта силами и материалами ЖЭК. Я на это не согласилась, видела, какой ремонт и какими материалами, столетней давности они его делают. Он пригрозил мне, что я тогда вообще ничего не выиграю и как бы между делом

попросил у меня координаты моего адвоката. Я сказала ему, что адвоката у меня нет, я буду сама себе адвокатом. С тем и расстались. 7 октября мне пришла телеграмма. Во-первых, она не была доставлена, а была опущена в почтовый ящик, при том, что я всё время дома. Во-вторых, у неё был абсолютно неправильно оформлен заголовок, не говоря о том, сколь неграмотно был составлен текст. В телеграмме сообщалось, что рассмотрение моего дела переносится на 12 октября, на то же время.

Что было неверного? Телеграмма должна была поступить из 570 отделения связи, где территориально находится суд. А она поступила из 195. Даже если допустить, что кто-то работающий в суде Чертаново живёт в Перово, это смешно. Зато именно там находилась контора, производившая ремонтные работы на нашем доме. В тексте были грубые ошибки с числительными и падежами, как если бы писал человек восточный, как потом и оказалось. И ещё телеграмма не проходила через наше 525 отделение связи, как я выяснила, а просто была где-то напечатана за деньги и тупо опущена мне в почтовый ящик. Да, изготовитель явно не знал, что имеет дело с почтово-телеграфным работником. Я съездила в суд, чтобы уточнить этот момент и там тоже подтвердилось, что суд не переносился. Грубый расчёт был на то, что я не явлюсь, а раз истец не пришёл, то он автоматически отказался от иска.

Номер не прошёл. А телеграмма, как факт подлога, тоже легла в общее дело. 9 числа я пошла на суд с Володей, на всякий случай, мало ли? При рассмотрении я сразу сказала, что не буду требовать платы за моральный вред, так как мне не нужно просто срубить денег с виновного, а соглашусь на компенсацию суммы экспертизы и дополнительных трат в общей сложности 35 000 тысяч рублей. Или, если ответчик будет упорствовать и попытается загнать меня в угол, я передам дело в уголовное рассмотрение, как попытку обмана и запугивания меня.

Адвокат и ответчики посоветовались и владелец компании, азербайджанец заявил: «слушай, 33-а, соглашайся». Я ответила: «при таких деньгах и таких фокусах вы из-за двух тысяч торговаться будете?»

В итоге они отсчитали мне 35 тысяч, я подписала расписку, что претензий не имею, и мы разошлись. Мы с Володей подождали некоторое время и только потом двинулись на выход. Я очень опасалась, что нас подкараулят, поэтому мы пошли дорогой через овраг, открытой со всех сторон, а не дорогой вдоль домов, где были заросли.

По дороге нам встретилась моя давняя сослуживица Света Степанова, ведь именно рядом с местом моей старой работы был суд. Мы очень обрадовались друг другу и разговорились. Именно в этот раз Света рассказала мне, как наказала судьба мою обидчицу Евдокимову. Страшно наказала, врагу злему не пожелаешь. Её дочь с мужем погибли в автокатастрофе, а внуки, которых она поднимала в итоге выселили бабушку из квартиры, разменяли их четырехкомнатную квартиру на две, а бабушку ни в одну из вновь приобретённых не прописали. Стала бабушка бомжом, а потом её парализовало. В общем, кончила жизнь свою в подвале собственного дома. Вот так может однажды проявленное к людям бессердечие, аукнуться там, где не ждёшь.

Да и Королёва пострадала. Муж с ней разошёлся, дочка от неё ушла, отвернулась, и она теперь ходит всем плачется на свою судьбу. Я сказала Свете, что я тут, в обоих случаях совершенно не при чём, я им зла никому не желала, хоть и сказала, что жизнь их накажет. «Вот она и наказала» - ответила Света.

А Саша, с лета носил с собой икону Иисуса Христа, которую я вышила гладью. Он говорил, что она его оберег. Летом, когда как раз ураган был, машины швырял, деревья как травой косил, их вагончик в Бутово единственный не перевернуло, в нём эта икона была. Вот и теперь на новом месте Саша её тоже поставил, она, мол, уберегла тогда, убережёт от беды и теперь. И вот думай,

она не она, но их вагончики, стоявшие на приколе недалеко от кольцевой, кто-то обокрал и поджёг, а именно Сашин опять цел остался. Потом, когда он и отсюда вскорости уйдёт, мужики ему икону не отдадут, скажут: «она нас беречь будет». А ведь не освящённая в церкви. Такие вот чудеса. Ремонт мы конечно сразу делать не стали, ну кто зимой его делает, запахи тяжёлые в квартире, грязь на помойку тяжелее таскать. Подождём до весны. У нас некоторые деловые просто старый материал, не утруждаясь, в окно вышвыривали, уборщики подберут, но мы так не могли. Не привыкли гадить другим на голову.

А у меня проблемы с дыханием начались, чувствую, что начинаю задыхаться, не пойму с чего. Вера, подружка моя, посоветовала теофедрин попить. А я боюсь, помню, врачи говорили привыкание к нему сильное идёт, как к наркотику. Вон Вера уже таблетки по три в день пьёт. Я теоникол купила, он помягче, и пока мне по полтаблетки в день помогает. А сообразить к врачу пульмонологу сходить мне ни к чему. Сама справлюсь, с чем не знаю. Всё-таки со своим здоровьем безрассудные мы частенько.

А я особенно резко на запахи стала реагировать. Духами я и смолоду не пользовалась, а теперь от других учую и задыхаюсь. Или ребята взяли моду дезодорантами пользоваться, а я сразу задыхаюсь. Стала их просить выходить брызнуть на лестницу, чтобы в квартире не распылять. Мои мальчишки прислушиваются, а Лёшка норовит тайком дома брызнуть, но по воздуху же летит, и я опять задыхаюсь. В туалете стала просить не распылитель, а растворитель в бачок вешать, иначе мне плохо. И при готовке замечать начала, если пары скопляются в кухне, то мне снова плохо. Влажность большую не терплю. Вот ни к чему мне, что это астма начинается. Не знала же я её признаков.

А между тем 98-й год кончается и начинается страшный для всей страны 99-й год, но мы об этом ещё не знаем, поэтому встречаем его радостно. Один из тех прежних Володиных друзей, Женя встречает этот год с нами, по просьбе Володи. Парень вроде бы подрос, образумился и я разрешаю. Лёша на Новый год в Молдавию к родителям уехал, хоть раз в году повидаться нужно. Он теперь уже не уборщиком работает, а в кафе официантом и фасовщиком при кухне. В две смены работает, чтобы побольше заработать. Всё мечтает в институт поступить, но бесплатно не возьмут, а платно денег поднакопить нужно, вот и старается, копит.

Володя на новой работе неплохо зарабатывать стал, как раз сделал себе подарок на Новый год, купил первый компьютер. Он теперь у них с Ваней на двоих, старенький мне целиком под игры оставили, а на новом сами занимаются. Больше конечно Иван, так как Володя только вечерами дома.

А Ваня даже игру свою муха боевая нарисовал и программу разработал. Смешно смотреть, как они пытаются этой мухой лягушек внизу убить. Сами не всегда попадают и хохочут. Для меня подобные игры не подходят, мне больше логические, а не стратегические. Но ему для изучения графики компьютерной и создания программ очень необходимо.

Я просто мечтаю, что мой сын, хотя бы один пойдёт учиться в высшее учебное заведение, ведь голова светлая, значит перспективный в отличие от братьев. Одно печалит, что сама я уже не смогу материально ему помочь, а на папу надежды никакой, алкоголик, он сегодня в строю, а завтра в отключке. Вот и теперь снова сидит без работы, обузой на шее и снова бега по Чертаново с пьянью, здесь стакан, там полстаканчика. То собаку где-то потеряет, то сам невесть куда ублудит, а мы собаку потом домой приводим. Она на боевом посту, возле винного магазина, хозяина ждёт. Вот, кто никогда не предаст, он её тысячу раз предавал, а она за ним на край света готова. Что делать, выбрала она его себе и дышит на него. Стану ему выговаривать, в ответ слышу, другие терпят и не ропщут, и ты терпи. Да где такие другие, покажи мне пальцем, и почему я терпеть должна? Нет ответа. Так и живём...

